

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годового изданія, имѣющаго вых-
одить 1 и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца, въ
размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ,
3 руб., съ доставкою и пересылкою.

Подписка, статьи и разнаго рода объяв-
ленія принимаются въ Канцелярїи Главнаго
Священника Арміи и Флота: С.-Петербургъ,
Подъяческая ул., д. № 32-й.

№ 11

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

№ 11**Часть официальная.**

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Главному Священнику Гвардіи, Гренадеръ, Арміи и Флота, Протоіерею Александру Желобовскому.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали рапортъ Преосвященнаго Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, отъ 19 минувшаго февраля за № 602, коимъ доводитъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода о томъ, что Министръ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, въ отношеніи отъ 16 февраля сего года за № 427, сообщилъ ему, Преосвященному Митрополиту, **ВЫСОЧАЙШЕЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, повелѣніе, чтобы панихида по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ II была совершаема ежегодно *перваго* марта мѣсяца, а не въ какой либо иной день. При семъ Г. Оберъ-Прокуроръ словесно заявилъ переданное ему лично отъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, что вышеозначенное относится исключительно до С.-Петер-

бурга, имѣемъ въ виду единственно панихиды, а не Литургіи, и вызвано происходящими въ столицѣ недоумѣніями по поводу молитвеннаго поминовенія въ Бозѣ почившаго Монарха въ приснопамятный для всѣхъ день Его кончины. Въ этотъ именно день многіе стремятся въ Петропавловской соборъ и возвращаются безъ богослуженія и молитвы, такъ какъ самыя публикаціи о назначенномъ для сего днѣ не всегда дѣлаются заблаговременно. Приказали: Во исполненіе вышеупомянутаго **ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** повелѣнія предоставить Вашему Высокопреподобію учинить соотвѣтствующія по Вашему вѣдомству въ столицѣ распоряженія, для чего и послать Вамъ указъ. Марта 6 дня 1890 года.

Распоряженія Главнаго Священника.

ПРИМѢРЪ, ДОСТОЙНЫЙ ПОЛНАГО ПОДРАЖАНІЯ.

17 октября 1889 г. при Петропавловской церкви 77 пѣхотнаго Тенгинскаго полка въ память избавленія **ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ**, нынѣ благополучно Царствующаго **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, **ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ** и **ИХЪ Августѣйшихъ Дѣтей** отъ грозившей **ИМЪ** опасности, открыта *церковно-приходская школа*, въ которую принято 43 человекъ. ¹⁾ Изъ нихъ 12 чело-

¹⁾ Списокъ учениковъ помѣщенъ въ концѣ №.

вѣкъ—дѣти нижнихъ чиновъ, 6 человекъ—изъ дѣтей православныхъ осетинъ, остальные же—дѣти разночинцевъ. Въ школѣ безмездно преподають: Законъ Божій—благочинный, священникъ означеннаго полка Теофилактъ Романовъ, Русско-Славянскій языкъ—дѣвица Елисавета Листовская, дочь умершаго капитана Тенгинскаго полка, арифметику и чистописание—поручикъ того же полка Леонидъ Антонини, церковное пѣніе—регентъ полковаго хора, Владикавказскій мѣщанинъ Григорій Гурскій. А отставной кандидатъ Димитрій Осиповъ, извѣстный Кавказскій пчеловодъ, обязался практически знакомить дѣтей съ пчеловодствомъ, для чего о. Романовымъ пожертвовано въ школу три роя пчель въ новыхъ усовершенствованныхъ ящикахъ системы того-же Осипова. Владикавказская Городская Дума отвела три десятины земли подъ огородъ; на церковной же площади разводится садъ, при помощи самихъ учениковъ.

Объ открытіи школы своевременно сообщено мѣстному училищному совѣту и донесено Владикавказскому Преосвященному.

Школа вообще поставлена хорошо и во всѣхъ отношеніяхъ обезпечена.

Призывая Божіе благословеніе на новооткрывшую школу, и принося искреннюю благодарность учредителю ея о. Романову и его сотрудникамъ, усерднѣйше прошу подвѣдомыхъ пастырей всѣми зависящими отъ нихъ способами содѣйствовать от-

крытію и поддержанію церковно - приходскихъ школъ, — этихъ разсадниковъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ православномъ русскомъ народѣ.

ОСОБЕННОМУ ВНИМАНІЮ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА, И ПАЧЕ ВСЕГО
СВЯЩЕННИКАМЪ ПРИ ГОСПИТАЛЯХЪ ¹⁾.

Всего лишь нѣсколько дней, какъ я вышелъ изъ одной петербургской больницы, гдѣ не покидалъ постели болѣе двухъ мѣсяцевъ. Какъ всегда почти бываетъ, судьба одной рукой бьетъ, другой гладитъ, — такъ было и въ этотъ разъ: болѣзнь взамѣнъ лишеній дала мнѣ порядочный запасъ наблюденій. Основываясь на нихъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о дѣятельности священника при больницѣ и о дѣятельности приходскаго іерея въ отношеніи къ больному прихожанину.

Я не утомлю вниманія читателей блужданіемъ въ метафизическихъ областяхъ. Я попрошу обратиться вмѣстѣ со мною къ самой жизни и отъ нея потребовать отвѣта на главный вопросъ о пастырской дѣятельности священника при больницѣ.

Сначала я долженъ познакомить читателей съ больничною жизнію. Для этого поведу я ихъ въ больницу, гдѣ былъ самъ. Заблаговременно оговариваюсь, что мнѣ пришлось лежать среди простонародья и потому о немъ-то и буду говорить преимущественно.

Заглянемте же въ лазаретъ, посмотримъ да послушаемъ, что тамъ дѣлается и говорится, и лучше всего вечеромъ, когда тамъ нѣтъ лѣкарей, и больные предоставлены самимъ себѣ. Вонъ тамъ въ самомъ дальнемъ отъ входа углу, въ концѣ длиннаго ряда кроватей, почти въ темнотѣ, какой-то больной, упершись исхудалыми руками въ кровать, повѣствуетъ о своей жизни, обнажая всю подноготную, всю ея грязь. Около него собралась кучка любопытныхъ больныхъ и они со вниманіемъ слушаютъ. Вотъ рассказчикъ добрался до послѣдняго происшествія, уложившаго его въ больницу. Съ краской стыда и съ выраженіемъ тяжелаго смущенія онъ излагаетъ предъ окружающими отвратительный случай своей жизни, какъ онъ, женатый и семейный человѣкъ, въ одинъ праздничный день, пьяный ѣхалъ....

¹⁾ Замѣтка перепечатана съ незначительными выпусками изъ № 15-го «Церк. Вѣстника».
Ред.

«Но тутъ, говоритъ онъ, Богъ наказаль меня: я свалился съ имперіала конки и попалъ сюда. И за дѣло, за дѣло мнѣ», прибавляетъ онъ, опускаясь на подушки. «Да»... почти машинально сказалъ кто-то изъ больныхъ. Слушатели не много постояли и пошли прочь отъ него, но пошли съ сосредоточенными лицами. Видно правдивый, искренній рассказъ кольнулъ каждо въ сердце и передъ ихъ глазами проносится собственная жизнь, мучительно и болѣзненно отзываясь въ душѣ своими грязными, безобразными сторонами. Воспоминанія идутъ, начиная съ дѣтства, когда заявляли уже о себѣ тотъ же эгоизмъ, таже зависть, лукавство. «Тогда, вспоминаетъ больной, я завидоваль, и кому же? своему родному брату, — вороваль, и у кого же? у отца съ матерью». Дальше, припоминается ему, какъ съ возрастомъ поле эгоизма становилось шире и формы его утонченнѣе. «Теперь думаетъ больной, я завидую уже не только одному родному брату; не буду красть сметаны изъ чулана и мазать ею голову коту, чтобы на него свалить всю вину, а сподличаю что-нибудь поважнѣе и поискуснѣе замету свои слѣды». Никогда-то, никогда больной не помнитъ себя чистымъ, безукоризненнымъ! Вся его жизнь кажется ему горькимъ упрекомъ; назойливо встаютъ передъ нимъ картины развратнаго прошлаго и жалостью къ себѣ наполняется его собственное сердце. «Какой ужасный слѣдъ я оставляю по себѣ, думаетъ онъ. Какъ много уже успѣлъ я сдѣлать зла и какъ мало добра, добра другимъ! Какимъ холодомъ и пустотой вѣетъ отъ моей жизни! Да и должно быть такъ. Я прежде не хотѣлъ понять, а теперь ясно чувствую, что только одна любовь къ ближнему способна дать человѣку удовлетвореніе, а жизни его смыслъ и полноту». И вотъ въ душѣ больного, оплакивавшего слезами раскаянія свое недоброе прошлое, зрѣетъ твердое рѣшеніе оставить прежнюю жизнь, быть лучше, желаніе дѣлать добро другимъ. Въ порывѣ такого чувства онъ иногда публично бичуетъ себя, какъ упомянутый выше больной, публично совлекается ветхаго человѣка и облекается въ новаго.

Однако не всегда такъ бываетъ. Воиъ тотъ параличный больной не исповѣдывался публично, а только всѣ первые дни струились слезы по его блѣдному лицу, но и онъ испыталъ тоже, что первый. Онъ никому не сказалъ о причинѣ своихъ слезъ, — ни роднымъ, ни друзьямъ, ни лѣкарямъ, и всѣ они думали, что онъ влachtetъ отъ физической боли или отъ излишней нервности. Лѣкаръ давалъ ему кокаинъ, морфій и опій. Но никакія издѣлія латинской кухни не могли его успокоить и утѣшить. Нѣтъ, не

отъ физической боли онъ плакалъ и не потому, что у него глаза на мокромъ мѣстѣ, а отъ упрековъ совѣсти. «По грѣхамъ мы страдаемъ», бывало, говоритъ онъ. Въ этомъ случаѣ онъ являлся лишь выразителемъ общаго настроенія, потому что на его слова почти всегда слѣдовалъ отъ кого-нибудь отвѣтъ приблизительно такого содержанія: «да, братъ, правда твоя; а еще мало насъ Богъ-то за грѣхи наказываетъ». Значитъ, каждый больной проанализировалъ свою былую жизнь, нашель ее такъ безбожно прожитою, что болѣзнь считаетъ должнымъ за нее и еще малымъ Божьимъ наказаніемъ; въ немъ совершился поворотъ къ лучшему, явилось желаніе добра. Да и трудно больному придти къ иному выводу; онъ какъ и всякій, поставленный въ необходимость обзрѣть свою прежнюю жизнь, неизбѣжно видитъ все свои промахи, всю свою недоброкачественность, свое нравственное безобразіе, возмущается всѣмъ этимъ и, естественно, желаетъ стать лучшимъ.

Если болѣзнь при обыкновенныхъ условіяхъ заболѣванія въ состояніи произвести нравственное отрезвленіе, то тѣмъ болѣе когда она застигаетъ человѣка, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Вотъ, на примѣръ, два деревенскихъ парня, подстрѣленные при воровствѣ казеннаго лѣса, вотъ еще получившій нѣсколько ранъ ножомъ за прелюбодѣяніе, вотъ и дворникъ, награжденный ударомъ ножа въ животъ отъ того, кого билъ безвинно, вотъ плотникъ, при работѣ въ праздникъ обрубившій себѣ пальцы. Все они вмѣстѣ съ толчкомъ физическимъ получили и толчокъ нравственный; они стыдились послѣ за свои поступки, а плотникъ положилъ даже болѣе прочное основаніе своему обращенію на путь добра: онъ попросилъ указать, гдѣ ему можно купить Евангеліе, чтобы исполнить давнишнее свое желаніе. Дай Богъ, чтобы эта книга служила для него напоминаніемъ о минутахъ его высшаго нравственнаго просвѣтленія; дай Богъ, чтобы пребываніе въ больницѣ для всѣхъ, кого оно заставило призадуматься надъ собою, навсегда осталось руководящимъ свѣточемъ въ поступкахъ. Какъ солнце, уничтожая снѣжный покровъ, дѣлаетъ землю способною къ произведенію жизни, такъ страданія, смягчая душу, оживляютъ ее любовію къ ближнимъ, влагаютъ въ нее сѣмя добра, которое подъ рукою опытнаго надсмотрщика можетъ развиться въ стройное и сильное дерево. А какъ это сѣмя въ душѣ больныхъ, дѣйствительно, нуждается въ уходѣ и поддержкѣ! Стыдно и грѣшно будетъ приставнику, если оно, давши ростокъ въ ихъ сердцѣ по волѣ Бога, погибнетъ по его нерадѣнію. Но если при-

ставникъ не наемникъ только, а любить свое дѣло,—онъ придетъ, не дастъ засохнуть тому ростку и постарается укрѣпить его стебелекъ, чтобы его не могли ни искривить, ни вырвать съ корнемъ бури. За то какъ самъ онъ радъ будетъ успѣху своего дѣла, и какъ благодарны будутъ ему больные, когда станутъ пользоваться плодами съ этого дерева, когда нравственный идеалъ, теперь лишь смутно ими чувствуемый, при пособіи руководителя опредѣлится подробнѣе и яснѣе и, управляясь имъ, они уже не будутъ одной рукой креститься, а другой лѣзть въ карманъ ближнему!..

А съ какимъ уваженіемъ относились въ больницѣ къ каждому ожидаемому празднику!.. Это сказывалось во всемъ, даже въ мелочахъ, не лишенныхъ однакожъ глубокаго смысла. Я не помню, напр., чтобы когда-нибудь тамъ забыли подъ праздникъ зажечь лампадку передъ иконой, и думаю, что ея мягкій свѣтъ о многомъ говорилъ вѣрующему сердцу больныхъ. Больные въ такой вечеръ прекращали пустые разговоры, вели рѣчь только о дѣлѣ или о божественномъ. Ожиданіе великихъ праздниковъ было особенно напряженно, нетерпѣливо; напр., въ Рождество одинъ больной всталъ рано, часа въ четыре утра, зажегъ лампадку и, будучи не въ состояніи удержать въ себѣ охватившихъ его религіозныхъ чувствъ, съ энтузіазмомъ и умиленіемъ пропѣлъ, стоя передъ иконой въ халатѣ, крестясь и кланяясь усердно: «Рождество твое, Христе, Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума». Вставая съ ночи, больные поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ и не мелютъ пустяковъ до предполагаемаго конца позднихъ обѣденъ. А какъ рады они бываютъ, если священникъ вышлетъ имъ просфору! Каждый изъ нихъ, съѣдая часть ея, знаетъ, что онъ принимаетъ въ себя нѣчто освященное и, разумѣется, его мысль возвышается, очищается его сердце.

Однако религіозное сознаніе не ограничивается только кругомъ чувствованій, оно переходитъ у больныхъ въ область теоретическихъ разсужденій. Но тутъ они, не руководимые болѣе опытнымъ человѣкомъ, начинаютъ богословствовать весьма своеобразно и добираются до еловыхъ дубовъ. Такъ, какой-то больной до послѣдняго времени отождествлялъ поклоненіе святымъ съ поклоненіемъ Богу; одинъ городской утверждалъ, что Христосъ проповѣдывалъ войну и выводилъ это изъ текста: «воздадите убо Кесарево—Кесарю, а Божіе—Богу»; много было разговоровъ по поводу старой и новой вѣры: кто выдумалъ новую вѣру, да чѣмъ она лучше старой и т. д. Откуда больному ждать просвѣтленія? О, еслибъ тѣ, кому слѣ-

дуетъ, кто даже обязанъ, были внимательны къ нему въ этомъ отношеніи также, какъ внимательны къ его физической боли доктора! Лѣкарь съ каждымъ больнымъ поговорить отдѣльно, подробно вызнаетъ болѣзнь, ея причины и, по мѣрѣ знанія, укажетъ средство къ выздоровленію. А пастырь не можетъ даже назвать своихъ овецъ по имени, тѣмъ болѣе не знаетъ ихъ душевнаго состоянія. Бываютъ случаи, что у больного совершается переворотъ религіозно-правственнаго міросозерцанія, полная ломка стараго и замѣна новымъ. Такъ дѣло было при мнѣ, у одного еврейскаго юноши только въ больницѣ, во время болѣзни, созрѣло окончательное рѣшеніе принять святое крещеніе, между тѣмъ этого не зналъ и, я увѣренъ, не знаетъ еще и теперь тамошній священникъ.

Но неужели больные не могутъ удовлетворить своихъ духовныхъ потребностей помимо священника? Конечно, могутъ, но не всегда. Начальство больницы, въ которой я лежалъ, кажется, позаботилось объ этомъ и съ этою цѣлью завело бібліотеку. (А сколько, скажемъ въ скобкахъ, больницъ безъ бібліотекъ!) ¹⁾ Вотъ грамотный—больной отправляется въ бібліотеку, пойдемъ и мы за нимъ, посмотримъ, насколько эта бібліотека соответствуетъ запросамъ своихъ читателей. Въ ней, бібліотекѣ, т. е. въ квадратномъ аршинномъ шкафикѣ, прежде всего насъ поражаютъ толстыя книги въ красныхъ и темныхъ корешкахъ. Это разрозненные томы «Русской Старины» и журнала «Слово». Грамотѣй беретъ за «Русскую Старину», начинаетъ перелистывать; все попадаетъ ему свѣдѣнія неинтересныя, не вяжущіяся съ наличнымъ содержаніемъ его сознанія; а за «Слово» грамотѣй ужъ и не беретъ,—не при немъ писано. Но что это за книжки въ обложкахъ съ двумя большими разъяренными орлами на заглавномъ листѣ? Это—«Чтеніе для солдатъ»... Нѣтъ, здѣсь больной не можетъ найти нужнаго ему спокойствія, онъ еще болѣе разстраивается. Мало христіанскаго воспитательнаго элемента въ этихъ книжкахъ, не говоря уже объ образѣ рассказовъ солдатскаго «Чтенія» и объ языкѣ, которымъ они написаны, непонятномъ для простыхъ смертныхъ: тутъ траекторія, диверсія, ретрашементы и т. подобныя мудренныя слова встрѣчаются на каждой строкѣ. Грамотѣй беретъ за книгу въ кожаномъ переплетѣ—это Новый Завѣтъ на славянскомъ языкѣ—и съ радостію начинаетъ читать, но и здѣсь онъ по-

¹⁾ Заимѣть, кстати, что еще въ прошломъ году непосредственнымъ духовнымъ начальникомъ разосланы въ военные госпитали книги *религіозно-правственнаго* содержанія на сумму около 400 руб. сер. Фед.

нимаешь съ пятаго въ десятое, особенно въ посланіяхъ. Онъ берется за Завѣтъ на русскомъ языкѣ, но и тутъ немного легче,—множество неясныхъ и смущающихъ его мѣстъ. Я вовсе не противъ обращенія св. писанія въ народъ,—это было бы латинствомъ,—а только утверждаю, что простонародье съ гораздо большею пользою и интересомъ прочитало бы, напр., связный рассказъ, подробную священную исторію съ яснымъ, разумѣется, изложеніемъ ученія Христова и, насколько я замѣтилъ, простонародье съ особеннымъ удовольствіемъ слушаетъ законченные историческіе рассказы. За неимѣніемъ желаемой священной исторіи, при сравнительной трудности Новаго Завѣта, больные обращались за назиданіемъ къ проповѣдямъ для народа, гдѣ нравоученіе изложено въ болѣе доступной имъ формѣ. Къ сожалѣнію, такихъ проповѣдей въ библіотекѣ оказалась всего одна книжка «Поученія духовнаго отца къ своимъ духовнымъ дѣтямъ» прот. Желобовскаго. Съ необыкновеннымъ интересомъ и охотою больные слушали назиданіе, когда оно предлагалось имъ въ беллетристической формѣ, въ формѣ живого рассказа. Это и понятно, примѣръ сильнѣе словъ; по той же причинѣ назидательный хорошій беллетристическій рассказъ нравится больше хорошей проповѣди и сильнѣе ея можетъ повліять на человѣка. Когда читался такой поучительный рассказъ, больные положительно увлекались и, замѣчательно, даже книжки неправославныя по своему духу совершенно самостоятельно понимались простонародьемъ по православному.

Больные при массѣ свободнаго времени, не находя достаточно духовной пищи ни въ назиданіяхъ священника, ни въ скудныхъ сокровищахъ больничной библіотеки, начинаютъ отъ скуки рассказывать другъ другу о мѣстномъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ и, незамѣтно для себя, переводятъ къ почти всегдашней темѣ разговора, къ чертовщинѣ: о вѣдьмахъ, колдунахъ, оборотняхъ, русалкахъ; тутъ прорвется иногда и крѣпкое русское слово и плоская шуточка. Такимъ образомъ вмѣсто вѣры укореняется суевѣріе, вмѣсто нравственности—безнравственность.

Отчего бы священнику при больницѣ время отъ времени не придти освѣдомиться о душевномъ состояніи больныхъ: умирить мягущуюся совѣсть, разрѣшить религиозныя сомнѣнія, облегчить, быть можетъ, кому-нибудь послѣднія минуты жизни, или встрѣтить первый сознательный, осмысленный взглядъ больного на окружающее послѣ долгаго безпамятства? Я представляю, какъ онъ обрадовался бы увидѣвъ около себя предстоятеля престома Всевышняго и, кто знаетъ, можетъ быть, этимъ былъ бы положенъ самый

основной камень вѣры и доброй нравственности для возвращающагося въ міръ жителя. При такомъ положеніи дѣла священникъ, появляясь въ больницѣ, не производилъ бы ужаса, какъ теперь, являясь да и то по приглашенію, когда у больного уже закатываются глаза подъ лобъ. При видѣ священника больной не спрашивалъ бы себя съ замираніемъ сердца: не ко мнѣ ли, неужели мнѣ такъ мало осталось жить? Да, надо сознаться, народное повѣріе, будто встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ несчастье, имѣеть, кромѣ историческаго основанія изъ временъ введенія на Руси христіанства, когда жители бѣгали отъ поповъ, не желая креститься,—много наличныхъ данныхъ и въ настоящемъ. Быть можетъ, скажутъ, что священнику при больницѣ городскому, а тѣмъ болѣе столичному некогда отдаваться пастырскимъ трудамъ, довольно съ него что онъ причаститъ да похоронитъ, ему жить трудно, надо работать съ утра до вечера. Но почему же, спросимъ мы, у него есть время принимать у себя гостей и самому ходить съ визитами къ сильнымъ міра, а только не хватаетъ времени исполнить то, что онъ обязанъ? Нечего и говорить, какъ рады были бы ему больные особенно тѣ, которые не имѣютъ ни друзей, ни родныхъ или отдѣлены отъ нихъ тысячами верстъ и никто-то, никто не придетъ ихъ провѣдать! Да и всѣ больные несказанно обрадовались бы, если бы увидали священника, пришедшаго говорить съ ними по душѣ. Посмотрите, какъ они благодарны лѣкарю за его труды.

Повѣрьте, что они сумѣли бы оцѣнить и трудъ священника. Они съ уваженіемъ и любовью относятся ко всякому, отъ кого слышатъ разумное, искреннее слово, и съ охотою внимаютъ ему. Глядите, какъ они облѣпили дѣячка стариннаго закала (съ косичками), попавшаго въ больницу, какъ бесѣдуютъ съ нимъ о божественномъ. Неужели у священника, который нравственно обязанъ заботиться о нихъ и получаетъ за это жалованье, не найдется нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю для проповѣданія слова Божія, для честнаго выполненія своихъ обязанностей?

Священнику нѣтъ необходимости непременно каждый день бывать у больныхъ; въ отсутствіе могутъ замѣнять его предлагаемая имъ книги. Стоитъ только священнику взять подъ свою опеку больничную библіотечку, и онъ съ одной стороны можетъ приспособить ее къ отвѣту на существенные религіозно-нравственные запросы больныхъ, съ другой—можетъ предугадать, какіе вопросы возбудитъ чтеніе въ его пасомыхъ, и надлежаше приготовиться къ отвѣту всякому вопрошающему. А вопрошающихъ будетъ

много, — больные раскроютъ передъ нимъ душу, если только онъ не покажется имъ бѣлою костью и чиновникомъ, если онъ сброситъ съ себя шелковую рясу съ золотыми часами и постарается приблизится къ народу какъ кость отъ костей его и плоть отъ плоти его; больные тогда запросто будутъ бесѣдовать съ нимъ, онъ тогда можетъ съ успѣхомъ насаждать въ ихъ сердцахъ правила вѣры и нравственности; многіе тогда выйдутъ изъ больницы обновленными не только физически, но и душевно, и о своемъ пребываніи въ больницѣ будутъ вспоминать съ любовью, а не какъ о времени скучно и бесполезно прожитомъ. Все, что сказано о дѣятельности священника при простонародной больницѣ, приложимо и къ дѣятельности при больницѣ для интеллигентовъ: у послѣднихъ тѣ же сомнѣнія, тѣ же вопросы, только здѣсь проповѣдь священника должна быть осторожнѣе и глубже въ виду большей трудности запросовъ, предполагаемыхъ въ интеллигентѣ и склонности послѣдняго къ раціонализму въ вѣрѣ.

Имѣя въ виду все сказанное, не трудно теперь преподать совѣтъ и приходскому священнику. Онъ не долженъ упускать весьма удобнаго случая для своей пастырской дѣятельности — времени болѣзни прихожанина, долженъ воспользоваться этимъ случаемъ для его религіозно-нравственнаго назиданія, долженъ явиться утѣшителемъ больного; ¹⁾ не тогда только пріѣзжать, когда у того темнѣетъ въ глазахъ и путаются мысли, и не въ качествѣ чиновника, исполняющаго извѣстныя формальности передъ смертью челоуѣка, а въ качествѣ друга, челоуѣка, принимающаго горячее участіе.

М. У.

Часть неофициальная.

Внѣбогослужебная бесѣда о доблестяхъ героевъ Ахтинскаго укрѣпленія, въ день 50-лѣтняго юбилея этого укрѣпленія (11 іюля 1889 г.).

Господь сподобилъ насъ, братіе, праздновать сегодня великій праздникъ, — такой праздникъ, какого Ахтинскій гарнизонъ никогда еще не праздновалъ. Праздникъ этотъ — пятидесятилѣтній юбилей со дня основанія славнаго въ исторіи покоренія Кавказа Ахтинскаго укрѣпленія, честь охраненія котораго въ наше время вынала на вашу долю.

¹⁾ См. ст. по этому вопросу въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», 1888 г., начиная съ № 8. Ред.

Что же побуждаетъ насъ праздновать пятидесятилѣтнее существованіе этого укрѣпленія, тѣмъ болѣе праздновать свѣтло, какъ великій праздникъ? Вѣдь укрѣпленіе это не велико и не особенно сильно, да и стоитъ оно въ глуши, населенной какимъ то полудикимъ народцемъ. Изъ-за чего же радоваться тому, что оно просуществовало полстолѣтія?... По видимому, оно — такъ, а на самомъ дѣлѣ непоколебимое полувѣковое стояніе вашего малаго укрѣпленія въ этомъ дикомъ Самурскомъ ущеліи должно радовать сердце каждаго кавказца, каждаго русскаго, каждаго просвѣщеннаго человѣка. Пятьдесятъ лѣтъ укрѣпленіе это поддерживаетъ въ этомъ полудикомъ краѣ власть русскаго Императора и вліяніе просвѣщеннаго свѣтомъ православной вѣры русскаго народа; пятьдесятъ лѣтъ оно держитъ открытымъ доступъ всему христіанскому, всему истинно разумному и истинно человѣческому въ среду населяющихъ этотъ край фанатическихъ послѣдователей лже-пророка.

Такимъ образомъ, вы, братіе, служите твердою опорою въ этой далекой окраинѣ власти русскаго Царя и даете возможность держать въ покорности буйныхъ лезгинъ. Но всякая служба оцѣнивается по тому, какъ ее несутъ служащіе. Только ревностная служба, т. е. такая, при которой человѣкъ весь преданъ своему дѣлу, безавѣтно вѣренъ своему долгу, готовъ всѣмъ пожертвовать ради интересовъ своего служенія, не щадя даже жизни своей, если того потребуютъ обстоятельства, только такая служба цѣнится высоко и заслуживаетъ одобренія и похвалы. Ахтинское укрѣпленіе стяжало себѣ громкую и вѣчную славу именно тѣмъ, что доблестные предки ваши явили въ себѣ достойный подражанія примѣръ преданности службѣ, вѣрности долгу и, что самое важное, готовности скорѣе принять смерть, чѣмъ измѣнить присягѣ, — лечь костями, но, пока душа въ тѣлѣ, ни одной пяди укрѣпленія не выдать супостатамъ. Въ этомъ я убѣдился, читая славную исторію этого укрѣпленія и слушая живущія среди васъ преданія о дивныхъ подвигахъ вашихъ предковъ. Да, славная эта исторія, дивны эти подвиги. Читая описаніе ихъ и слушая ваши рассказы, хочется лишь одного: провести бы день среди этихъ исполиновъ воинской доблести, увидѣть бы только два — три изъ неисчислимыхъ подвиговъ ихъ геройства, а потомъ... умереть, чтобы и въ вѣчность перейти съ сладостныхъ убѣжденіемъ, что русскій солдатъ умѣетъ и жить и умереть для Царя православнаго, для вѣры Христовой и для Святой Руси, что онъ есть истинная и вѣрная защита интересовъ Царя, Вѣры и Отечества.

Хотите сами убѣдиться въ этомъ? Перенеситесь мыслію во времена

геройской обороны Ахтинскаго укрѣпленія 1848 года. Вотъ укрѣпленіе окружено несмѣтными полчищами полудикихъ, дышащихъ злобою изувѣровъ; во главѣ ихъ кумиръ кавказскихъ горцевъ—имамъ Шамиль, окруженный толпою мюридовъ, заклятыхъ враговъ русской власти. Непріятель, не щадя патроновъ и снарядовъ, держитъ укрѣпленіе почти безъ перерыва подъ адскимъ огнемъ ружейныхъ и орудійныхъ выстрѣловъ. Штурмъ слѣдуетъ за штурмомъ. Покоя нѣтъ ни днемъ, ни ночью: въ теченіе девяти дней никто не смыкаетъ глазъ. Пища оскудѣла. Воды не достаетъ даже для того, чтобы выдавать гарнизону по крышкѣ отъ манерки въ день на человѣка. Смердь отъ гніющихъ труповъ людей и животныхъ заражаетъ воздухъ. Слѣдующіе одинъ за другимъ взрывы пороховаго погреба, двухъ патронныхъ ящиковъ и минъ, подведенныхъ непріателемъ подъ стѣны укрѣпленія, разрушаютъ твердыни, уничтожаютъ десятки защитниковъ укрѣпленія и самыя средства обороны. Комендантъ полковникъ Ротъ, тяжело раненый, выбылъ изъ строя; его преемникъ капитанъ Новоселовъ покрытъ ранами. Каково же нравственное состояніе горсти защитниковъ укрѣпленія, состоявшей только изъ 500 человѣкъ и то въ началѣ осады? Упадокъ духа? уныніе, доходящее до отчаянія? страхъ? паника?... О, нѣтъ! такія состоянія и чувства были невѣдомы доблестнымъ предкамъ вашимъ, защищавшимъ Ахтинское укрѣпленіе съ 14-го по 22-е сентября 1848 года. Духъ героизма и беззавѣтной удали, духъ преданности долгу и вѣрности присягѣ, безпримѣрная воинская доблесть и твердая вѣра въ Бога, соединенная съ неусумнѣннымъ упованіемъ на Его всесильную помощь,—вотъ, что одушевляло Ахтинскій гарнизонъ во время этой, памятной на вѣки обороны укрѣпленія. Смотрите сами и вы убѣдитесь въ истинѣ сказаннаго. Вотъ, раздается оглушительный взрывъ пороховаго погреба; десятки храбрыхъ защитниковъ укрѣпленія падаютъ мертвыми или изувѣченными; часть укрѣпленія разрушается, открывая доступъ непріятелю. И что же? Не падая духомъ, оставшіеся въ живыхъ герои подъ звуки пѣсни «За Царя и Русь святую», затакнутой гренадерами князя Варшавскаго, нынѣ Ширванскаго Государя Наслѣдника Цесаревича, полка, подъ страшнымъ огнемъ со стороны непріятеля, поспѣшно принимаются за исправленіе причиненныхъ взрывомъ поврежденій и оканчиваютъ эту работу съ полнымъ успѣхомъ. Рядовой *Щелжачевъ*, безвредно отброшенный взрывомъ на шесть сажень, вставъ на ноги, шутиливо говоритъ товарищамъ: «ишь, нехристи, еще толкають». Горнисть *Карзовъ*, у котораго взрывомъ смяло рожекъ, беретъ

ружье и поражаетъ мѣткими выстрѣлами непріятеля, пѣвая въ тоже время товарищамъ веселую боевую пѣсню. Товарищи смѣются и шутятъ, совѣтуя ему сыграть отбой оборванцамъ на его новомъ инструментѣ (ружьѣ). Въ тоже время барабанщикъ *Костычевъ* замѣняетъ убитаго бомбардира и, заряжая пушку, обѣщаетъ товарищамъ сыграть непріятелю похоронный маршъ на своемъ новомъ барабанѣ (пушкѣ). *Борисъ*, крѣпостной человѣкъ капитана Тизенгаузена, никогда не обучавшійся артиллерійскому дѣлу, увлеченный общимъ настроеніемъ, становится на мѣсто другаго также убитаго бомбардира и исправно исполняетъ его обязанности, ловко заряжая пушку. Канониръ *Александръ Даниловъ*, получивъ три огнестрѣльныя раны, лишившія его возможности владѣть руками, возвращается къ своему посту и на совѣтъ остаться въ госпиталѣ отвѣчаетъ: «никакъ нельзя! вѣдь я еще могу наводить свою пушку». Молодой солдатъ *Городько*, воскликнувъ: «не дадимъ братцы, непріятелю захватить мортирку, она намъ самимъ нужна», подъ выстрѣлами непріятеля спускается на веревкѣ со стѣны укрѣпленія и, вырывъ изъ земли сброшенную взрывомъ мортирку, тѣмъ же путемъ встаскиваетъ ее въ укрѣпленіе. Когда положеніе гарнизона сдѣлалось совершенно безнадежнымъ, капитанъ Новоселовъ заготовилъ 80 боченковъ пороху для взрыва, въ случаѣ крайности, укрѣпленія. «Сумѣете ли вы, ребята, умереть, какъ умерли наши товарищи въ Михайловскомъ укрѣпленіи? спросилъ онъ у солдатъ. «Отъ насъ не будетъ поживы нехристямъ, ваше благородіе!» дружно отвѣтилъ весь гарнизонъ. «Да я первый взорву укрѣпленіе!» воскликнулъ *ширвинецъ Дмитрій Ивановъ*. «У меня что ни солдатъ, то Архипъ Осиповъ», сказалъ про себя предводитель этихъ храбрецовъ. И не одни русскіе, но и вѣрноподанные русскаго Царя изъ иноплеменниковъ свято и браво исполнили свой долгъ во время знаменитой обороны 1848 года. Полякъ рядовой *Янъ Свидерскій*, переброшенный взрывомъ за стѣну укрѣпленія, окровавленный и обезображенный, замѣнивъ фуражку лезгинскою папашою, поражаля непріятеля въ пылу рукопашнаго боя большимъ кинжаломъ, тутъ-же поднятымъ. Татаре: штабсъ-капитанъ Бучкѣвъ, подпоручикъ Али-Султанъ-Бекъ и прапорщикъ Али-Мулла-Шефиръ-Оглы, помня святость данной на службу русскому Царю присяги, переодѣвшись лезгинами, вышли подъ прикрытіемъ мрака ночи изъ укрѣпленія и, съ страшнымъ рискомъ переправившись черезъ рѣку Самуръ почти въ невозможномъ для всякой переправы мѣстѣ, точно исполнили возложенное на нихъ порученіе, т. е. ловко пробрались сквозь полчища осаждающаго укрѣпленіе

непріятеля, достигли отряда князя Аргутинскаго и увѣдомили этого генерала объ отчаянномъ положеніи Ахтинскаго гарнизона. Даже женщины показали себя достойными женами героевъ. Офицерскія жены Жоржъ, Байдакова и Богуславская были тяжело ранены при взрывѣ пороховаго погреба. Не смотря на тяжесть собственныхъ страданій, онѣ болѣе заботились объ участи удалыхъ защитниковъ укрѣпленія, чѣмъ о своемъ здоровьѣ и даже жизни. Такъ госпожа Жоржъ, очнувшись отъ обморока, произведеннаго тяжкими ушибами, прежде всего спросила, живъ ли ея мужъ? А госпожа Богуславская, по происхожденію поляка, не обращая вниманія на собственные страданія отъ тяжкихъ и весьма опасныхъ ранъ, ухаживала за ранеными солдатами, подавая имъ посильную помощь. На что говорить о мужчинахъ и женщинахъ, когда даже дѣти этого поколѣнія героевъ горѣли однимъ съ своими родителями желаніемъ — пожертвовать всѣмъ лишь бы побѣдить враговъ отечества. Дочь полковника Рота, 16-ти лѣтняя отроковица, отличалась выходящею изъ ряда красотою, чѣмъ славилась даже между лезгинами. Зная женолюбіе мусульманъ, Шамиль объявилъ, что дѣвушка эта будетъ отдана имъ тому, кто первымъ ворвется въ укрѣпленіе. Узнавъ объ этомъ, юная героиня вышла на плацъ и, обративъ на себя вниманіе офицеровъ и солдатъ, громко сказала: «Господа офицеры и вы, братцы, храбрые солдаты! Шамиль обѣщалъ меня тому, кто первымъ изъ враговъ ворвется въ наше укрѣпленіе, а я обѣщаю мою руку и сердце тому изъ васъ, кто будетъ главнымъ виновникомъ рѣшительной побѣды надъ врагами». А что сказать о самомъ руководителѣ обороны, незабвенномъ капитанѣ Новоселовѣ, извѣстномъ всему Кавказу подъ прозваніемъ Ахтинскаго. Геройскому мужеству, неустрашимости и разумной распорядительности этого, покрытаго ранами и славою Ахтинскаго коменданта не прищешь достойныхъ похвалъ. Только Царь могъ воздать ему за его безпримѣрные подвиги безпримѣрнымъ производствомъ его за разъ въ маіора и подполковника. Замѣчательны искренняя дружба и братская любовь, связывавшія въ одну семью чиновъ Ахтинскаго гарнизона. Выдающійся примѣръ такой любви и дружбы представляетъ собою маститый унтеръ-офицеръ Ермолай Рындинъ. Во время преслѣдованія бѣгущаго непріятеля, онъ получилъ тяжелую рану въ голову. «Что съ тобою, Рындинъ?» спросилъ его подъѣхавшій офицеръ, видя его обгареннымъ кровью. Рындинъ, тяжело вздохнувъ, махнулъ рукою и отвѣчалъ надорваннымъ отъ горя голосомъ: «Эхъ, ваше благородіе, мнѣ-то ничего, а вотъ бѣднягу Никифо-

рова убили». Никифоровъ былъ постоянный его боевой товарищъ. Еще болѣе замѣчательную черту нравственнаго облика Ахтинскихъ богатырей 1848 года составляютъ одушевлявшія ихъ вѣра въ Бога и твердая надежда на Его всеильный Промыселъ. Во время самой усиленной перестрѣлки, офицеры и солдаты находили время приходить къ иконамъ святаго Николая и великомученика Георгія для молитвы этимъ великимъ угодникамъ Божиимъ о помощи въ своемъ правомъ дѣлѣ. Когда офицеръ Ищенко, ведя въ бой горсть храбрецовъ, командовалъ: «къ ружью! стоять твердо, братцы, вѣдь у насъ есть еще штыки!» то унтеръ-офицеръ Егоровъ, чтобы еще болѣе воодушевить товарищей, прибавилъ: «И, слава Богу, еще не погасла въ казармѣ наша свѣча предъ святою иконою». Солдаты перекрестились и дружно бросились отбивать дикій натискъ непріятеля. И не оставлялъ Господь своею помощью уповающихъ на Него христіюлюбивыхъ воиновъ. Загорѣлись на стѣнахъ кули, наваленныя на нихъ рядами, и, сгорая, сваливались въ ровъ и открывали 4-й бастионъ непріятелю. Тушить пожаръ не было средствъ: вода оскудѣла. «Молитесь братцы!» воскликнулъ тотъ же Егоровъ, замѣтивъ нѣсколько дождевыхъ капель, упавшихъ съ облаковъ; «Господь смилостивился надъ нами». И молитва вѣры была услышана Богомъ: проливной дождь потушилъ пожаръ.

Но, довольно. И такъ уже я привелъ слишкомъ много примѣровъ геройской доблести, молодецкой удали и другихъ неоцннимыхъ качествъ участниковъ славной обороны 1848 года. Обращу теперь вниманіе ваше на то, что и послѣдующія поколѣнія Ахтинскаго гарнизона неизмѣнно сохраняли геройскій духъ своихъ предковъ. Стоитъ только вспомнить молодецкую оборону Ахтинскаго укрѣпленія въ 1877 году, чтобы убѣдиться въ этомъ. Три съ половиною сотни русскихъ воиновъ въ этотъ достопамятный годъ въ теченіе 35 дней (съ 1-го октября по 5-е ноября) храбро защищали укрѣпленіе отъ нападенія болѣе чѣмъ пяти-тысячнаго отряда взбунтовавшихся горцевъ. Непріятель, окруживъ со всѣхъ сторонъ укрѣпленіе, держалъ его подъ самымъ сильнымъ, почти непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ. Въ пищѣ былъ такой недостатокъ, что для довольствія 36 солдатъ изъ казанскихъ татаръ были зарѣзаны лошадь и жеребенокъ г-жи Варавиной, а для довольствія прочихъ солдатъ по 10, а потомъ по 5 фунтовъ свинины и то черезъ два-три дня. Семействамъ офицеровъ выдавали по 1½ фунта свинины на два дня. Соли не было. Воду, фуражъ и дрова приходилось добывать при помощи вылазокъ подъ выстрѣлами непріятеля.

стоявшаго на разстояніи одного ружейнаго выстрѣла отъ укрѣпленія. Не было времени для сна: все время осады гарнизонъ не снималъ съ себя амуниці ни днемъ, ни ночью. Но, несмотря на всѣ лишенія и на всю трудность борьбы, эта горсть храбрецовъ блистательно выдержала осаду и дождалась шедшаго на выручку генерала Александра Комарова, приближеніе котораго, устранивъ мятежниковъ, принудило ихъ снять осаду и униженно просить себѣ прощенія и пощады. Стойкости, неустранимости и геройской удали Ахтинскаго гарнизона въ это пзмятное время нельзя надивиться. «Быль бы хлѣбъ, да вода, а осаду хоть какую, при помощи Божіей, выдержимъ», говорили, какъ одинъ, всѣ солдаты. Храбрый маіоръ Викторъ Комаровъ, еще въ началѣ осады вызвавшійся производить всѣ вылазки, не чувствовалъ недостатка въ охотникахъ принимать участіе въ покрывающихъ славою русское оружіе, но сопряженныхъ съ страшною опасностью своихъ предпріятій. Восемнадцать вылазокъ за водою, фуражемъ, дровами и для уничтоженія мостовъ, непріятельскихъ траншей и прикрывающаго мятежниковъ сада, были выполнены имъ съ такою отвагою и умѣlostью, что, каждый разъ достигая своей цѣли и причиняя громаднѣйшій ущербъ непріятелю, храбрые участники вылазокъ насчитали въ рядахъ своихъ по окончаніи осады только пять раненыхъ и ни одного убитаго. Настроеніе гарнизона отражалось и на вольныхъ людяхъ, нашедшихъ себѣ убѣжище въ укрѣпленіи, и побудило ихъ принимать участіе въ бояхъ. Такъ, учитель горской школы коллежскій секретарь Витушинскій принималъ участіе въ вылазкѣ 30-го октября. Вольный мастеровой Харлампій Майрамовъ, вмѣстѣ съ рядовымъ Дербентской мѣстной команды Прокофіемъ Соколовымъ, совершили съ успѣхомъ слишкомъ опасное предпріятіе: перелѣзши лезгинами, они пробрались ночью чрезъ непріятельскій станъ и увѣдомили генерала Комарова объ отчаянномъ положеніи Ахтинскаго укрѣпленія. «Смерти мы не боимся, а порученіе, съ Божьей помощью, исполнимъ точно», говорили они, прося разрѣшенія на свое предпріятіе. Вольные мастера Егоровъ и Козловъ принимали участіе въ самой опасной вылазкѣ 2-го ноября. Когда измѣнникъ татаринъ Кази-Ахметъ-Ханъ подбросилъ письмо, въ которомъ сообщая, что Куба и Дербентъ взяты горцами, а Кусары и Дашлагаръ преданы ими огню, и что число осаждающихъ Ахтинское укрѣпленіе увеличилось еще шестью тысячами горцевъ, предлагалъ гарнизону сдать укрѣпленіе и удалиться, куда пожелаютъ, то изнуренные трудомъ и недостатками солдаты отвѣчали насмѣшками на это предложеніе.

«Вотъ, ребята, татаре просятъ насъ сдать имъ крѣпость и уйти, куда пожелаемъ», сказалъ солдатамъ подполковникъ Узбашевъ, желая узнать ихъ настроеніе. «А маршрутъ то, небось, забыли прислать, аль можетъ не знаютъ, что солдатъ безъ маршрута въ походъ не идетъ»? спросилъ шутливо одинъ унтеръ-офицеръ. «А что же арбы то изволятъ они выслать», шутилъ другой солдатикъ. «Ишь, нехристи, чего захотѣли!» разсуждали между собою солдаты. «Крѣпость сдать! нѣтъ, кунаки, возьмите ее сами, коли подъ силу будетъ, а солдатъ, пока живъ, крѣпости не выдастъ, на то и крестъ святой цѣловаль». Достояна примѣчанія любовь Ахтинскихъ солдатъ къ своимъ доблестнымъ вождямъ, проявленная ими въ это памятное время. Примѣромъ ея можетъ служить слѣдующій случай. Участникамъ вылазки 2-го ноября, по возвращеніи ихъ въ крѣпость, пожаловано было по полчары вина, но солдаты отказались пить вино безъ своего храбраго начальника маіора Комарова. Когда же онъ пришелъ, то одинъ невзрачный на видъ, малорослый, но не уступавшій въ храбрости товарищамъ, солдатикъ, наполнивъ чару виномъ, поднесъ ее Комарову и сказалъ: «Ты съ нами первый въ бою, твоя и первая чара; безъ тебя пить не можемъ; безъ тебя и вино не будетъ намъ въ веселье».—Не уступая предкамъ своимъ, героямъ 1848 года, въ воинской доблести, богатыри 1877 г. не уступали имъ и въ силѣ вѣры и упованія на Бога. Крѣпостная церковь была открыта во все время осады, и чины гарнизона, улучая минутку, одинъ за другимъ заходили въ нее возжечь свою свѣчку предъ св. иконою и вознести теплую молитву къ Богу о ниспосланіи помощи свыше. Когда Харлампій Майрамовъ и Прокофій Соколовъ, отправляясь на свое предпріятіе, зашли въ церковь помолиться Богу, то всѣ дамы, офицеры и кто могъ изъ солдатъ послѣдовали за ними и, зажегши свѣчи, тепло молились о успѣхѣ ихъ предпріятія. Послѣ общей горячей молитвы подполковникъ Узбашевъ и капитанъ Супротивный осѣнили ихъ крестнымъ знаменіемъ и, благословивъ, отпустили въ путь.—Словомъ Ахтинскіе солдаты и офицеры 1877 года явили себя достойными потомками героевъ 1848 года.

Память о храбрыхъ предкахъ всегда свято хранилась въ умахъ чиновъ Ахтинскаго гарнизона, любовь къ нимъ всегда согрѣвала ихъ сердце. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, какъ панихиды ежегодно совершаемыя, по вашей просьбѣ надъ братскою могилою героевъ 1848 года, такъ особенно тотъ знаменательный фактъ, что самый памятникъ на этой могилѣ воздвигнуть въ 1860 году на собственные средства Ахтинскимъ солдатомъ, каптенар-

мусомъ 4-го кавказскаго линейнаго № 18 баталіона Антономъ Васильевымъ.

Братіе! храня память о доблестныхъ подвигахъ знаменитыхъ предковъ вашихъ, старайтесь, чтобы одушевлявшій ихъ духъ геройства ни беззавѣтной удали, соединенный съ твердою вѣрою въ Бога и преданностью служебному долгу, не оскудѣвалъ между вами, хранителями этой крѣпости, освященной кровью падшихъ въ честномъ бою христіолюбивыхъ русскихъ воиновъ. Въ стѣнахъ этого укрѣпленія нѣтъ пяди земли ненасыщенной кровью престопамятныхъ предковъ вашихъ. Скажете, что въ настоящее, по милости Божіей, мирное время нѣтъ вамъ случая проявить свое геройство, показать, что и вы сумѣетѣ умереть съ честію за Вѣру, Царя и Отечество?... Тѣмъ лучше для васъ; тѣмъ легче исполненіе вашего служебнаго долга. А если легче, то исполняйте же Его неуклонно! Повинуйтесь начальникамъ своимъ, исполняйте точно и безропотно возлагаемая на васъ службы, никого не обижайте, оставьте дурныя привычки, избѣгайте пороковъ, боритесь со страстями, видите себя достойно званія русскаго христіолюбиваго воина, будьте всегда готовы скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить присягѣ. Тогда долгъ вашъ будетъ честно исполненъ, тогда души предковъ вашихъ будутъ радоваться о васъ и благословеніе Божіе пребудетъ на васъ неоскудно. Свято исполняя обязанности, возложенныя на васъ присягою и живя какъ подобаетъ воину-христіанину, вы этимъ будете производить хорошее впечатлѣніе на окружающихъ васъ мусульманъ, смягчать ихъ предубѣжденіе противъ христіанъ и мало-по-малу готовить въ этомъ полудикомъ краѣ почву для побѣды Христа надъ ал-кораномъ.

Свящ. Меодій Цѣхановскій.

БИБЛИОГРАФІЯ

Законъ Божій. Учебникъ для нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія. Составилъ по программѣ для учебныхъ командъ, объявленной по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, протоіерей А. Крутяковъ. С.-Петербургъ, 1889.

Учебникъ протоіерея Крутякова составленъ по той же программѣ, какъ и книга о Евнитскаго, о которой мы дали отчетъ въ предыдущемъ

обзорѣ. Поэтому, наши замѣчанія о послѣдней въ общемъ могутъ быть отнесены и къ первому. Подобно о. Евнитскому, протоіерей Крутяковъ расчетливъ и сдержанъ при объясненіи молитвъ, символа вѣры и заповѣдей. Не увлекаясь въ сторону богословскихъ и схоластическихъ тонкостей, онъ излагаетъ эти отдѣлы коротко и сжато, заботясь, главнымъ образомъ, о переводѣ на русскій языкъ объясняемаго текста. И такой приемъ нельзя, конечно, не признать вполне умѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ не лишаетъ полковаго священника возможности, при отсутствіи бесѣдахъ съ нижними чинами, приводить, гдѣ необходимо и возможно, доказательства и наглядные примѣры изъ Священной исторіи.

Подобно же о. Евнитскому, протоіерей Крутяковъ слишкомъ широко ставитъ въ своемъ учебникѣ Священную исторію. Онъ излагаетъ священно-историческія событія безъ надлежащаго разбора, нисколько не соображая ни съ временемъ, какое удѣляется на Законъ Божій въ полковыхъ школахъ, ни съ задачею, какую долженъ преслѣдовать полковой законоучитель. Мало этого; онъ безъ особенной надобности удлинняетъ и тѣ рассказы изъ Священной исторіи, знаніе которыхъ необязательно для нижнихъ чиновъ, обучающихся въ школѣ. Не будемъ приводить примѣровъ, такъ какъ достаточно указать лишь, что одна Священная исторія занимаетъ болѣе двухъ третей учебника протоіерея Крутякова.

Впрочемъ, книга протоіерея Крутякова имѣетъ и свои особенные недостатки. Можно встрѣтить въ ней неправильные обороты рѣчи, неточныя отдѣльныя выраженія и даже довольно грубыя ошибки противъ правописанія; но главный недостатокъ—въ языкѣ ея. Если не всегда возможно говорить языкомъ вполне яснымъ и удобопонятнымъ при раскрытіи истинъ догматическаго и умозрительнаго характера, то при передачѣ историческихъ событій живое и общедоступное изложеніе обязательно. Между тѣмъ, протоіерей Крутяковъ излагаетъ Священную исторію языкомъ тяжелымъ и книжнымъ. Приведемъ нѣсколько выдержекъ: «Сотвореніе жены также выразилось *особеннымъ дѣйствіемъ предвѣчнаго Совѣта Божія*»; «Мужу (Богъ) сказалъ, что онъ будетъ въ потѣ лица добывать хлѣбъ отъ земли, на которой за грѣхъ его *ляжетъ печать проклятія*»; «Единственнымъ утѣшеніемъ *въ скорбной долѣ* для изгнанниковъ (первыхъ людей) оставалось обѣтованіе Божіе»; «*Злое стѣмя* нечестивыхъ людей было истреблено всемірнымъ потопомъ» и т. под. Всѣ эти книжныя фразы, встрѣченныя нами

на первыхъ же страницахъ книги протоіерея Крутякова, едва ли могутъ быть поняты нижними чинами безъ особаго ихъ толкованія.

Нельзя умолчать еще объ одной, трудно объясняемой ошибкѣ, допущенной протоіереемъ Крутяковымъ въ отдѣлѣ о притчахъ. Опредѣливъ общее значеніе притчей, онъ, затѣмъ, говоритъ: «Притчею о сѣятелѣ, сѣмени и плевелахъ Иисусъ Христосъ показалъ, какое вліяніе оказываетъ проповѣдь Евангельская на умы и сердца людей». Очевидно, протоіерей Крутяковъ смѣшалъ въ одну двѣ самостоятельныя притчи, имѣющія, къ тому же, неодинаковое значеніе, т. е. притчу о сѣятелѣ и притчу о пшеницѣ и плевелахъ. Чѣмъ объяснить такую ошибку? Простой недосмотръ здѣсь не допускается дальнѣйшимъ ходомъ мыслей. Изложивъ только содержаніе притчи о сѣятелѣ и ни однимъ словомъ не коснувшись притчи о пшеницѣ и плевелахъ, протоіерей Крутяковъ совершенно неожиданно начинаетъ объяснять послѣднюю и потомъ уже переходитъ къ первой. «Сѣющій доброе сѣмя, говоритъ онъ, есть Сынъ человѣческой Иисусъ Христосъ, поле есть міръ, доброе сѣмя сыны царствія, а плевелы сыны лукаваго, жатва кончина вѣка, а жнецы Ангелы». Непосредственно за этимъ идетъ объясненіе притчи о сѣятелѣ.

Въ виду отмѣченныхъ нами недостатковъ въ книгѣ протоіерея Крутякова, она, по нашему мнѣнію, менѣе полезна для полковыхъ учебныхъ командъ, чѣмъ книга о. Евнитскаго. Такой взглядъ на нее не будетъ казаться рѣзкимъ, если принять во вниманіе еще то обстоятельство, что она написана спустя шесть лѣтъ послѣ учебника о. Евнитскаго; поэтому, если протоіерей Крутяковъ хотѣлъ составить лучшій учебникъ по Закону Божію, то онъ долженъ былъ не повторять недостатковъ, какіе есть въ книгѣ о. Евнитскаго. Но, какъ мы видѣли, многіе изъ нихъ онъ допустилъ и въ своей книгѣ, прибавивъ къ нимъ еще свои собственные.

Протоіерей Т. Дивовъ.

Нѣсколько словъ о преподаваніи Закона Божія въ полковыхъ учебныхъ командахъ. (По поводу отзыва протоіерея Т. Дивова о книгѣ «Уроки по Закону Божию для православныхъ воиновъ полковыхъ учебныхъ командъ въ вопросахъ и отвѣтахъ»).

Съ искреннимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ нашемъ юномъ печатномъ органѣ библиографическій отдѣлъ, полезное значеніе котораго очевидно, если принять особенно во вниманіе скромные размѣры «Вѣстника Военнаго Духовенства». Дай Богъ, чтобы, попавъ въ умѣлыя руки, отдѣлъ этотъ съ успѣхомъ выполнилъ свое назначеніе—знакомить читателей «Вѣстника» со всеми выдающимися произведеніями современной духовной литературы, преимущественно же съ тѣми, въ которыхъ затрогиваются близко касающіеся военнаго настыря практическіе вопросы!

Одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ среди этихъ вопросовъ, безспорно, занимаютъ вопросы дидактическіе, касающіеся преподаванія Закона Божія православнымъ воинамъ. Нельзя по этому не отнестись сочувственно къ благому начинанію редакціи, которая выдвинула на первый планъ именно эти вопросы, помѣстивъ во главѣ библиографическаго отдѣла двѣ обстоятельныя и подробныя рецензіи учебниковъ по Закону Божию, назначенныхъ для полковыхъ учебныхъ командъ. Въ одной изъ нихъ авторъ, о. протоіерей Дивовъ, разбираетъ мою книжку, заглавіе которой приведено выше, въ другой—книжку о. Ѳ. Евнитскаго.

Искренне благодаря уважаемаго о. протоіерея за то вниманіе, съ какимъ онъ отнесся къ моему слабому труду, я вовсе нехочу здѣсь оправдывать недостатки послѣдняго, но желалъ бы, съ одной стороны, подѣлиться съ читателями «Вѣстника» своими взглядами на преподаваніе Закона Божія православнымъ воинамъ,—взглядами, къ которымъ я пришелъ на основаніи многолѣтняго законоучительскаго опыта,—а съ другой,—обратить ихъ вниманіе на нѣкоторыя недоумѣнія, невольно возникающія при чтеніи означенной рецензіи. Думаю, что подобныя недоумѣнія родились не у меня одного.

Первое недоумѣніе касается весьма важнаго вопроса о томъ, слѣдуетъ ли преподавать Законъ Божій нижнимъ чинамъ учебныхъ командъ въ системѣ, или концентрически?

«Истины вѣры и нравственности христіанской,—говоритъ о. протоіерей Дивовъ,—по самому существу своему, находятся между собою во взаимной связи, при чемъ послѣднія развиваются изъ первыхъ. По этому цѣльное

представленіе о христіанской религіи невозможно безъ системы. Это условіе должно быть исходнымъ пунктомъ въ рѣшеніи вопроса о правильной постановкѣ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ».

На первый взглядъ можно было бы подумать, что авторъ высказываетъ эти, безспорно, прекрасныя мысли, чтобы доказать необходимость систематическаго преподаванія Закона Божія. Ничуть не бывало! О. протоіерей Дивовъ, совершенно неожиданно, сейчасъ же вслѣдъ за ними заявляетъ, что, «во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ начальныхъ школахъ, не можетъ быть и рѣчи о какой либо строго выдержанной системѣ». А къ полковымъ школамъ, по его мнѣнію, должны быть предъявляемы еще болѣе скромныя требованія.

Прежде всего неправда, что въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Законъ Божій преподается не систематически. Во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы: духовныя училища, городскія и уѣздныя училища, прогимназіи и т. п.—Законъ Божій преподается въ строгой системѣ по «Пространному катихизису» митрополита Филарета. Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ низшія учебныя заведенія съ начальными школами, а между тѣмъ—это два совершенно различныя типа школъ.

Но пусть систематическое преподаваніе непригодно въ начальныхъ школахъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что оно непригодно и въ полковыхъ учебныхъ командахъ? О. протоіерей Дивовъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на малоразвитость и неподготовленность нижнихъ чиновъ. По его мнѣнію выходитъ, что нижніе чины даже менѣ развиты и менѣ подготовлены, чѣмъ семилѣтніе дѣти, поступающіе въ школы учиться грамотѣ. Едва ли это такъ! Нѣтъ, о. протоіерей, взрослые всегда останутся взрослыми, а дѣти—дѣтьми, и что хорошо для вторыхъ не всегда пригодно для первыхъ. Развѣ можно въ самомъ дѣлѣ сравнивать людей возмужалыхъ умственно и физически, людей, втеченіе болѣе двадцати лѣтъ бывшихъ христіанами, посѣщавшихъ богослуженіе, многократно слушавшихъ и Св. Писаніе, и церковныя молитвы, и поученія пастырей,—развѣ можно, повторяю, такихъ людей сравнивать по развитію и знанію Закона Божія съ дѣтьми въ самомъ раннемъ возрастѣ? Какъ нисколько развиты нижніе чины,—допустимъ даже это,—однако проводить подобную параллель между ними и дѣтьми, да еще ставить ихъ ниже послѣднихъ,—по меньшей мѣрѣ странно.

Вышесказаннымъ предрѣшается интересующій насъ вопросъ, можно ли преподавать нижнимъ чинамъ Законъ Божій въ системѣ? О. протоіерей Ди-

вовъ отвѣчаетъ на него отрицательно, а я говорю: не только можно, но и должно. Должно, прежде всего, потому что, строго говоря, каждому православному когда нибудь да слѣдуетъ усвоить истины вѣры и нравственности всецѣло и систематично, хотя бы и не детально. Должно и потому, что только систематическое усвоеніе всякаго вообще предмета прочно и неизгладимо. Кто разъ усвоилъ систему, хотя бы и въ общихъ, наиболѣе существенныхъ ея чертахъ, тотъ не можетъ утратить ни одного ея звена; при томъ же методѣ, какой предлагаетъ о. Дивовъ, такая утрата—явленіе очень естественное. Правда, усвоеніе системы труднѣе, чѣмъ усвоеніе того же предмета, но изложеннаго концентрически. Но повѣрьте, о. протоіерей, моему скромному опыту, что эта трудность—болѣе кажущаяся, чѣмъ она чувствуется лишь при первыхъ шагахъ. Чѣмъ дальше идетъ изученіе системы, тѣмъ легче и легче оно становится. Да это и понятно: вѣдь самъ о. Дивовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что истины христіанской вѣры и нравственности находятся между собою въ тѣсной связи,—одна вытекаетъ изъ другой, одна другую поддерживаетъ и подкрѣпляетъ.

Концентрическое преподаваніе, повторяю, пригодно для дѣтей перваго возраста, для взрослыхъ же оно и излишне и сопряжено съ непроизводительною тратою времени, и даетъ неизмѣримо худшіе результаты. Почтенный рецензентъ заявляетъ, что программами учебныхъ командъ законоучителямъ настойчиво рекомендуется избѣгать сухого, отвлеченнаго и схоластическаго изложенія истинъ вѣры и нравственности. Но развѣ система непремѣнно должна быть сухой, отвлеченною, схоластическою? Развѣ, излагая высокія истины христіанства въ стройной системѣ, законоучитель этимъ лишается возможности дѣйствовать не только на умъ, но и на сердце слушателей? Я думаю, скорѣе наоборотъ: разъ умъ убѣжденъ, то и сердце будетъ отзывчивѣе на голосъ пастыря, и добрыя привычки сами собою укрѣплятся въ душѣ пасомаго, укрѣплятся гораздо прочнѣе, чѣмъ при этомъ безсистемномъ сѣяніи сѣмянъ добра, какое столь нравится о. протоіерею Дивову. Не освѣщенныя сознаниемъ истины нравственности—это пшеница, посеянная на каменистую почву: не имѣя подъ собою доброй земли, она завянетъ, не успѣвъ взойти.

Второе недоумѣніе, возникающее при чтеніи отзыва протоіерея Дивова, касается самой формы изложенія Закона Божія. Почтенному рецензенту почему то не нравится вопросо-отвѣтный, катихизическій методъ изложенія, принятый мною. Рѣшительно, не понимаю, почему! Неужели о. протоіе-

рей забываетъ, что всѣ выдающіеся проповѣдники, всѣ выдающіеся педагоги горячо рекомендуютъ вопросо-отвѣтную форму тамъ, гдѣ нужна будобопонятность, гдѣ имѣется дѣло съ слушателями невысокаго умственнаго уровня? Если почтенный рецензентъ не вѣритъ мнѣ, пусть онъ заглянетъ въ любой учебникъ гомилетики. Мнѣ кажется, о. протоіерей Дивовъ впадаетъ здѣсь въ крупное противорѣчіе съ самимъ собою: выше онъ усиденно распространяется о неразвитости нижнихъ чиновъ, а здѣсь отвергаетъ ту форму изложенія, которая признана наиболѣе пригодною именно для малоразвитыхъ людей.

«Протоіерей Поповицкій», — ставитъ мнѣ въ упрекъ о. Дивовъ, — «придаетъ какое то особенное значеніе формѣ, т. е. простому заучиванію на память готовыхъ вопросовъ и отвѣтовъ». Да, я придаю этому значеніе и придаю не я одинъ, а оная таки многіе изъ выдающихся представителей педагогики. Развѣ о. Дивовъ считаетъ не нужнымъ приучать солдатъ — своихъ учениковъ выражаться не такъ, какъ они привыкли, живя въ деревнѣ, а такъ, какъ слѣдуетъ, какъ прилично великому ученію христіанской вѣры и нравственности? А въ этомъ отношеніи вопросо-отвѣтный способъ незамѣнимъ. Я отнюдь не хочу этимъ сказать, что нижніе чины должны безъ толку и пониманія, что называется «зубрить» отвѣты учебника, — нѣтъ; но развѣ нельзя сознательно и съ полнымъ пониманіемъ того, что говоришь, говорить языкомъ учебника? Сознательное усвоеніе матеріала, изложеннаго въ руководствѣ, хотя бы даже и въ той же формѣ, какъ онъ изложенъ въ послѣднемъ, — вовсе не есть еще механическое заучиваніе на память, тѣмъ болѣе, что этому предшествуетъ бесѣда пастыря, а потому самый учебникъ является какъ бы «памяткою», при содѣйствіи которой нижніе чины и возобновляютъ въ памяти своей слышанное отъ пастыря.

Какъ на авторитетъ, я смыслюсь на даровитѣйшаго изъ нашихъ современныхъ военныхъ писателей и педагоговъ генерала М. И. Драгомирова, который не видитъ особеннаго вреда въ сознательномъ заучиваніи на память... Такъ генераль Драгомировъ составилъ для солдатъ «Памятку», брошюрку, куда помѣстилъ три евангельскіе текста, молитву «Господи силь» и нѣкоторыя изреченія Суворова и свои, которыя, заученныя солдатами, давали бы имъ цѣлую военную этику и руководили бы ихъ дѣйствіями въ мирное время и на войнѣ. Всѣ положенія, всѣ фразы въ этой «Памяткѣ» представляютъ чистые категорическіе императивы военной философіи, изложенные при томъ просто и неоспоримо обязательно... Генераль Дра-

гомировъ приказаль каждому солдату выучить свою «Памятку», чтобы онъ не только понималъ фразы, но и воплотилъ бы ихъ въ себѣ такъ, что бы онѣ составляли съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое. Вотъ какъ великій солдатскій педагогъ Драгомировъ смотритъ на форму, т. е. заучиваніе на память!

О. протоіерей Дивовъ удивляется, далѣе, на какомъ основаніи я поставилъ рассказы изъ Ветхаго Завѣта за первымъ членомъ Символа Вѣры и большую часть рассказовъ изъ Новаго Завѣта—вмѣстѣ съ ученіемъ Иисуса Христа—за третьимъ. Онъ находитъ, что этимъ нарушается стройность и послѣдовательность въ изложеніи Закона Божія. Мнѣ кажется совершенно обратное: именно стройность то системы отъ такого размѣщенія и выигрываетъ. Будучи изложено такимъ образомъ, все христіанское вѣроученіе образуетъ одно стройное, органическое, цѣлое; библейскіе рассказы не стоятъ особнякомъ, не кажутся неимѣющими никакой связи съ истинами вѣры, а напротивъ разъясняютъ и какъ бы доказываютъ ихъ. Напротивъ, для меня кажется удивительнымъ замѣчаніе о. протоіерей Дивова, будто священно-историческія событія не имѣютъ никакой связи съ истинами Символа Вѣры. Ужели, напр., рассказъ о сотвореніи міра не имѣетъ никакого отношенія къ слову—«Творца» въ первомъ членѣ? Ужели событія земной жизни Иисуса Христа не разъясняютъ тѣхъ членовъ Символа Вѣры, гдѣ говорится о Спасителѣ? Именно можно только удивляться и недоумѣвать, читая это странное замѣчаніе почтеннаго рецензента.

Не могу наконецъ не остановиться на нѣкоторыхъ болѣе детальныхъ упрекахъ, которые дѣлаетъ мнѣ въ своемъ отзывѣ о. протоіерей Дивовъ.

Почтенный рецензентъ, напр., замѣчаетъ, что я совсѣмъ упустилъ пророка Исаію, такъ много пророчествовавшего о Спасителѣ міра. Между тѣмъ, пусть о. протоіерей взглянетъ на 16 стр. моей книжки, и онъ увидитъ, что пророку Исаіи отведено у меня гороздо болѣе мѣста, чѣмъ другимъ пророкамъ. Такимъ образомъ это замѣчаніе о. Дивова является уже рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ.

Далѣе, почтенный рецензентъ, напр., упрекаетъ меня за то, что я довольно подробно останавливаюсь на прямомъ ученіи Иисуса Христа, не излагая всѣхъ притчей, хотя ученіе, изложенное въ притчахъ, будто бы скорѣе и легче можетъ быть понято и усвоено. Пусть читатели сами судятъ, такъ ли это? О. Дивовъ забываетъ, что сами Апостолы нуждались иногда въ истолкованіи притчей Спасителя. Съ другой стороны, Свое

прямое ученіе о молитвѣ, постѣ и милостынѣ Самъ Спаситель считалъ на столько удобопонятнымъ, что передалъ его непосредственно народу.

Что касается, затѣмъ, чудесъ Иисуса Христа, выборъ которыхъ такъ же не правится о. Дивову, то, по моему мнѣнію, все онѣ равно поучительны и поразительны. Если почтенный рецензентъ думаетъ иначе, то глубоко заблуждается.

Я опускаю остальные замѣчанія о. протоіерея, изъ которыхъ состоитъ окончаніе его отзыва, такъ какъ натяжка въ нихъ слишкомъ очевидна. Приведу лишь нѣкоторыя для образца.

О. Дивовъ, напр., ставитъ мнѣ въ вину, что въ вопросѣ: «Какъ намъ удобнѣе научиться вѣрѣ, молитвѣ и жизни богоугодной?» — я опустилъ слово «право». Какъ будто существуютъ руководства по Закону Божию, авторы которыхъ, по собственному заявленію, намѣрены научить читателей неправой вѣрѣ?! Или, напр., о. Дивовъ упрекаетъ меня, что я въ опредѣленіи Церкви: «Церковью называется Богомъ установленное общество людей, вѣрующихъ въ Иисуса Христа, освященныхъ Духомъ Святымъ, любящихъ другъ друга и исполняющихъ Его святой законъ подъ руководствомъ священноначалія», — не упомянулъ о таинствахъ. Но развѣ въ таинствахъ подается что либо иное, а не освящающая благодать Святаго Духа?!

Заканчивая свой отвѣтъ о. протоіерею Дивову, считаю долгомъ опять таки повторить, что онъ вызванъ вовсе не желаніемъ оправдать недостатки своей книжки, а единственно желаніемъ высказать то, чему научила меня долговременная законоучительская практика. Кто изъ насъ правъ, — пусть судятъ читатели!

П. Д. П.

Разныя извѣстія.

15 ч. минушаго мая м. л.-гв. Павловскій полкъ, одинъ изъ самыхъ боевыхъ полковъ русской гвардіи, участвовавшій въ 39 сраженіяхъ, праздновалъ свой столѣтній юбилей и получилъ новое *полковое* знамя. Въ торжествѣ прибавки этого знамени къ древку принимали участіе: Государь Императоръ, собственной рукой котораго былъ вбитъ первый гвоздь, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, а также и другія лица Императорской Фамиліи. Точно также, изъ собственныхъ рукъ Государя, послѣ освященія знамени, колѣнопреклоненный командиръ полка получилъ

этотъ символъ вѣрности солдатскому долгу. Никогда не забудутъ этотъ торжественный и великій обрядъ павловскіе гренадеры, на долю которыхъ выпало рѣдкое счастье участвовать въ столь знаменательной церемоніи. Знамя полка—это видимая эмблема прочной и неразрывной духовной связи его частей, это воплощеніе его исторической души, это свидѣтель всѣхъ совершенныхъ вокругъ него подвиговъ! Уничтожаясь безпощаднымъ временемъ, какъ вещь, старое знамя дѣлается настоящей святыней и какъ святыня—сохраняется въ полковой церкви. Самое торжество освященія и прибавка новаго знамени, черезъ извѣстный промежутокъ времени, какъ бы переноситъ свидѣтельство стараго символа на новое знамя. Подъ этимъ новымъ свидѣтелемъ будущихъ подвиговъ повторяется полковая присяга, и съ этого момента оно становится столь же священнымъ и столь же дорогимъ каждому честному и вѣрному солдату, стоящему въ полковыхъ рядахъ, какимъ до того было старое знамя.

Много подвиговъ самоотверженія, доблести, мужества и вѣрности долгу видѣло старое павловское знамя, нынѣ уходящее послѣ долгой и славной службы, украшенное георгіевскимъ крестомъ и андреевскими лентами, подъ вѣчные своды полкового храма. Но заслуженная имъ слава будетъ по старому воодушевлять вѣрныя сердца нашихъ славныхъ гвардейцевъ, и въ тяжкую годину новыхъ боевыхъ испытаний, отъ которыхъ да сохранить насъ Господь Богъ, новое знамя, полученное полкомъ изъ рукъ своего Возлюбленнаго Государя и Шефа, конечно, увидитъ вокругъ себя все ту же старую, непоколебимую доблесть русскаго воина, простого и добродушнаго во время мира, грознаго и непобѣдимаго на войнѣ!

(Новое Время № 5104).

Журнальное постановленіе Совѣта Общества попеченія о бѣдныхъ военнаго духовенства 26-го марта сего года за № 392-мъ.

Опытъ восьмилѣтняго помѣщенія Покровскаго приюта въ домѣ на окраинѣ Петербургской стороны все болѣе и болѣе обнаруживаетъ крайне ветхое состояніе его деревянныхъ строеній и чрезвычайно неблагоприятныя условія отдаленности его, какъ отъ духовно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ воспитываются дѣти призрѣваемыхъ вдовъ, такъ и вообще отъ города, гдѣ онѣ могли-бы имѣть заработокъ собственнымъ трудомъ. Хотя ремонтъ дома послѣднихъ лѣтъ, постепенно возрастая до крупныхъ суммъ, былъ направленъ исключительно на удовлетвореніе не терпѣвшихъ отлага-

тельства нужды и поддержаніе прочности жилыхъ помѣщеній; тѣмъ не менѣе настоящее ихъ состояніе внушаетъ серьезныя опасенія, въ отношеніи безопасности семей, принятыхъ на общественное попеченіе.

По сему, принимая во вниманіе значительный запасный капиталъ Общества, возросшій до 14 тысячъ рублей, Совѣтъ признаетъ своевременнымъ озаботиться нынѣ-же приобрѣтеніемъ новаго дома взамятъ стараго и въ своемъ выборѣ останавливается на домѣ по Таврической улицѣ № 21, представляющемъ несомнѣнныя преимущества въ отношеніи прочности и мѣсторасположенія. При этомъ Совѣтъ съ признательностью принимаетъ предложеніе Главнаго Священника Гвардіи, Гренадеръ, Арміи и Флота о предоставленіи Обществу въ безвозмездное и безсрочное пользованіе пяти тысячъ рублей изъ сиротскаго капитала, и возлагаетъ на особую исполнительную комиссію, подъ предсѣдательствомъ помощника предсѣдателя Совѣта П. И. Соколова, изъ членовъ: казначея Совѣта протоіерея А. Ставровскаго, дѣлопроизводителя Совѣта А. Н. Львова, предсѣдателя ревізійной комиссіи А. П. Шаркова и попечителя Покровскаго пріюта Н. А. Гастфрейна, полномочіе осуществить какъ предположенную покупку новаго дома, такъ и продажу въ возможно непродолжительномъ времени стараго.

Списокъ ученикамъ Владикавказской Тенгинской церковно-приходской школы.

Сыновья служащихъ нижнихъ чиновъ.

- 1) Павелъ Головинъ; 2) Петръ Семагинъ.

Отставныхъ нижнихъ чиновъ.

- 3) Николай Шевченко; 4) Петръ Пономаренко; 5) Михаилъ Подчиловъ; 6) Иванъ Черноусовъ; 7) Георгій Козыревъ; 8) Евгений Баяновъ; 9) Владиміръ Котовъ; 10) Трофимъ Богатиковъ; 11) Федоръ Рыбалченко; 12) Алексѣй Ивановъ; 13) Алексѣй Мажаровскій.

Дѣти Владикавказскихъ мѣщанъ.

- 14) Василій Анфиногеновъ; 15) Александръ Синицынъ; 16) Павелъ Акуловъ; 17) Василій Рябовъ; 18) Александръ Карнауховъ; 19) Иванъ Левачевъ; 20) Данииль Рагозинъ; 21) Евстафій Качура; 22) Александръ Скублинскій; 23) Никита Симисиновъ; 24) Иванъ Бачкала; 25) Федоръ Крыжевниковъ; 26) Яковъ Нѣвскій; 27) Николай Будаевъ.

Дѣти разныхъ мѣщанъ.

28) Федоръ Васильевъ; 29) Николай Поляковъ.

Дѣти крестьянъ разныхъ губерній.

30) Георгій Пруцковъ; 31) Іоаннъ Меркуловъ; 32) Сергѣй Скарлыкинъ; 33) Матвѣй Маіоровъ; 34) Петръ Смѣтанинъ.

Дѣти умершихъ крестьянъ.

35) Николай Будаевъ; 36) Петръ Тертешниковъ; 37) Михаилъ Чуринъ.

Дѣти Осетинъ.

38) Григорій Гіоевъ; 39) Илья Боладзе; 40) Николай Косіевъ; 41) Ефимій Дзигоевъ; 42) Димитрій Боладзе; 43) Иванъ Боладзе.

Благочинный Священникъ, Теофилактъ Романовъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Сего 1890 года февраля 18-го числа скончался протоіерей Гродненскаго военнаго лазарета Василій Григорьевичъ Бѣлкинъ. Покойный—сынъ священника Смоленской епархіи, родился 1828 г., воспитывался и окончил курсъ въ духовной семинаріи. Въ 1854 году рукоположенъ священникомъ въ Село Шелканово, Краснаго Уѣзда, а въ 1861 году, во вниманіе къ его усердной и полезной службѣ, перемѣщенъ въ село Бобыри, Смоленскаго Уѣзда. Сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей, въ томъ и другомъ приходѣ, занимался обученіемъ крестьянскихъ дѣтей въ устроенныхъ имъ же школахъ. Въ 1863 году опредѣленъ Главнымъ Священникомъ Арміи и Флота на вакансію священника въ 104-й пѣхотный Устюжской полкъ, а въ 1879 году перемѣщенъ на вакансію же священника въ Гродненскій военный госпиталь, переименованный потомъ въ мѣстный военный лазаретъ. Въ 1885 году за отлично—усердную службу возведенъ въ санъ протоіерея. Смерть его послѣдовала отъ апоплексическаго удара 17-го числа, въ субботу; облачившись уже для отправленія всенощнаго бдѣнія, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, сѣлъ на стулъ и встать самъ уже не могъ; изъ церкви на квартиру принесли его на рукахъ. Всѣ мѣры, принятыя врачами къ сохраненію его жизни, оказались тщетными; сознание скоро оставило его, а въ 4-мъ часу ночи онъ испустилъ и послѣднее дыханіе. Тѣло его съ подобающею честію вынесено было въ Гродненскій Софій-

скій соборъ. Погребеніе совершилъ Преосвященный Анастасій, Епископъ Брестскій въ сослуженіи съ епархіальнымъ и военнымъ духовенствомъ. Къ погребенію собрались и военные чины и граждане, и многіе провожали до могилы.

Покойный былъ вдовъ и бездѣтенъ. Отличительною чертою его были задушевная простота и доброта. Со всеми онъ жилъ въ мирѣ, ко всемъ былъ привѣтливъ и отзывчивъ. Сбереженія, какія могъ имѣть отъ службы своей, раздавалъ щедрою рукою сиротамъ и роднымъ, не глухъ былъ и къ нуждамъ постороннихъ, особенно въ трудныхъ ихъ обстоятельствахъ. За особенную его простоту и доброту любили его не только свои военные, но и граждане.

Поученіе, сказанное при гробѣ.

Не затѣмъ мы собрались къ твоему гробу, чтобы судить—каковъ ты былъ по службѣ, каковъ—по жизни своей; да и праведенъ ли судъ нашъ! Мы стеклись ко твоему гробу, чтобы воздать тебѣ послѣдній долгъ, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ тобой во имя той любви, какую заповѣдалъ намъ Господь: «братіе, да любите другъ друга, о чемъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою». И молимся о тебѣ не потому, чтобы ты былъ грѣшнѣе насъ, а потому что все мы, какъ плоть носящіе и въ мірѣ живущіе, и старъ и младъ, все грѣшны предъ Господомъ Богомъ и все имѣемъ нужду въ Его милосердіи и помилованіи. Молясь о тебѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ молимся и о самихъ себѣ, чтобы Господь не разлучилъ насъ въ будущей жизни, поставивъ однихъ одесную, а другихъ ошуюю, и судилъ бы насъ не какъ неумолимый судія по закону строгаго возмездія, а какъ Отецъ Милосердный по закону любви, по закону всепрощенія. Провожая твое тѣло, которое есть земля и въ землю идетъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ провожаемъ и душу твою, но не въ землю, какъ тѣло, а отъ земли на небо, какъ душу живу, и не съ плачемъ и рыданіемъ, какъ немущіе упованія, а съ твердою вѣрою и надеждою, что смерть твоя—не къ смерти, а къ вѣчной жизни, къ славѣ Божіей.

Что же ты оставляешь намъ на память о себѣ? Ты былъ кротокъ и незлобивъ, привѣтливъ и радушенъ; эти качества въ живыхъ образахъ не забвенны для насъ; ты любилъ имѣть со всеми миръ и «миромъ» молился Господу—миръ свой и оставляешь въ память о себѣ; ты, какъ

добрый христіанинъ, не покидалъ сирыхъ своихъ и бездомнымъ изъ нихъ давалъ пріютъ, а потому есть кому и вздохнуть о тебѣ, есть кому особенно помолиться за твою душу. Но можетъ ли наше слово сказать болѣе того, что мы слышали изъ устъ всѣхъ знакомыхъ твоихъ: «добрый онъ былъ человѣкъ, хорошій человѣкъ, дай ему Богъ царство небесное!» На тебѣ, какъ на пастырѣ духовномъ, лежала особенная обязанность напутствовать умирающихъ воиновъ. Какого рода ни были бы ихъ болѣзни, хоть опасно заразительныя, ты являлся къ нимъ съ духовнымъ утѣшеніемъ всегда безъ страха за свою жизнь. И теперь, восходя къ Судіи небесному, гдѣ правда и милость, ты не страшись: свидѣтелей противъ тебя нѣтъ, а за тебя свидѣтельствующихъ—и здѣсь и тамъ не мало. Прими же, любезный собратъ нашъ, послѣднее наше цѣлованіе и услышь нашъ голосъ, голосъ сердца, голосъ братскій, поющій и взывающій «вѣчная память» тебѣ, и какъ доброму человѣку и какъ доброму пастырю.

Благочинный 26-й пѣхотный дивизию, Протоіерей Д. Виукъ овъ.

Редакторъ, Священникъ Іоаннъ Тарапецъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Мая 23 дня 1890 года.

Цензоръ Архимандритъ Григорій.